

МАРТА КЕТРО

ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ЕМУ

*Эта книга о причудливой реальности,
в которой происходят невозможные встречи*

Марта Кетро

Чтобы сказать ему

Серия «Легенда русского Интернета»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43611002
Марта Кетро Чтобы сказать ему:
ISBN 978-5-17-116135-4

Аннотация

Новая постапокалиптическая реальность, которая отзывается на человеческие страхи и ожидания, новый мир со своими законами и правилами – и вечные переживания, вина, страсть и любовь, которые не покинут людей, что бы ни случилось со старушкой-Землёй.

Острый психологический роман о путешествии, через меняющийся непредсказуемый мир – к океану, через отчаяние – к любви.

Эта книга о ранах и исцелении, о странной реальности, в которой происходят яркие встречи, и о том, что самые тяжёлые утраты иногда оказываются не окончательными.

Содержание

1	7
2	30
3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марта Кетро

Чтобы сказать ему

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Легенда русского Интернета»

Иллюстрация на переплете – Андрей Фerez

© М. Кетро, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*вот же он этот проклятый заяц
как же я его не заметил
пусть не говорят что он больше не нужен
там куда мы уходим
куда мы уходим*

Цветков А. П.

У одной женщины не было детей.

Редко случается, чтобы у женщины совсем не было детей,

ни своих, ни названных. Такие встречаются приблизительно в тысячу раз реже, чем те, кто просто не может родить. Потому что если у которой нет ребёночка, а страх как хочется, она всегда найдёт способ. Пойдёт к колдунье, а та подарит ячменное зерно, да такое, что вместо колоска взойдёт цветок, а внутри бутона окажется девочка. Или украдёт из чужой колыбели, которую бездумная мать оставит в тенёчке у крыльца: схватит малыша, укроет платком и побежит за синие леса, за высокие горы, в безопасное убежище, там посадит на сухой мох и даст ему гладкую еловую шишку, чтобы играл. Купит у нищенки здорового темноглазого мальчика, развяжет цветастое отрепье и сожжёт, а ребёнка искупает в желтоватой ромашковой воде или вот с чередой тоже хорошо. А то назначит младенцем полено или котёнка, станет баюкать, отпаивать молоком. Усыновит мужчину и воспитает.

Да мало ли способов, если хочется.

Ещё реже бывает, чтобы женщина совсем не хотела иметь ребёнка, ни своего, ни чужого, ни щенка, ни симулякр, вроде тамагочи, который бы изредка пищал: «Покорми меня», «Поиграй со мной». Такая, может, одна на миллион.

А ещё говорят, будто иногда случается – раз в сто лет? – что и родит, но забудет. Даже и вырастит, но потом с её памятью произойдёт какая-то неприятность – например, постирает едким мылом, чтобы вывести пятно от вишнёвого сока или крови, а в результате пятно как было, так и осталось, а ребёнок стёрся. На фотографиях и в документах есть,

но женщина перестаёт чувствовать себя матерью. От этого она сначала сделается на двадцать лет моложе, обретёт лёгкость, талию и шелковые платья, но постепенно тело её будет становиться всё легче и легче, шелка посереют, а потом она превратится в птичку. Как только это произойдёт, женщина снова обо всём вспомнит. Но теперь у неё маленькая птичья головка на одну мысль, коротенькие ножки и совсем нет рук, а вместо голоса чирик-чирик. Есть, правда, крылья, и потому она не побежит, а полетит – искать своего ребёнка. Зачем, ведь он уже совсем взрослый? Попробуйте расспросить, но ничего внятного птичка не ответит, даже если научится на манер скворца повторять некоторые слова почти по-человечески. Когда вы попытаетесь её удержать, она склонит головку и бессмысленно прошебечет: «Чтобы сказать, чтобы сказать ему...» – и другого вы не добьётесь, поэтому лучше отпустите добром, пока не убились об оконное стекло.

1

Месячные прекратились лет на десять раньше, чем это обычно бывает, но Дора не огорчилась, наоборот, почувствовала себя свободной как никогда. Теперь не нужно высчитывать, когда не сможешь пойти в бассейн, переносить занятия в спортзале и отменять свидания. Это справедливо, ведь жизни осталось меньше, чем было, и пять дополнительных дней в месяц хоть какая-то компенсация. Можно посчитать: месячные у неё с десяти, и значит, за следующие тридцать пять лет она потеряла две тысячи сто дней, приблизительно пять с половиной лет своей единственной жизни провела в крови и боли, без секса, с отваливающейся спиной и вечным страхом наследить. А теперь добавятся шестьдесят полновесных суток в год. Конечно, они будут не столь насыщенными, как в юности, но дарёному коню не смотрят ни в зубы, ни под хвост, хотя копыта, конечно, надо бы проверить: хорошо ли подкован и всё такое.

Дора любила цифры и заботилась о точности вычислений, и потому всё время возвращалась к столбику, которым перемножала 5, 12 и 35, а потом делила на 365. Все ли дни можно считать потерянными? Ведь иной раз она не могла утерпеть и всё-таки занималась сексом, а потом озабоченно разглядывала красные пальцы, потёки на ногах и отправляла сомлевшего мужчину мыться первым – потому что кровь засыхала,

стягивала нежную кожу головки, и далеко ли до раздражения. С другой стороны, и так округлила в меньшую сторону, на самом деле выходило не пять с половиной, а 5,75, но те три месяца можно списать на самое начало, когда только устанавливался цикл.

Она вспомнила, как валялась на спине, задрав ноги на стену, и прислушивалась к тянущей боли в животе, а заодно и к шепоту в коридоре. Отец потом некоторое время огибал её комнату по дуге, насколько это было возможно в их доме. Ничего личного, он просто беспокоился и смущался, потому что мать, как всегда, проболталась. Она всё ему рассказывала, и Дора думала, что это от несдержанности, но потом оказалось, что и отец, который был безупречен, тоже не имеет от мамы тайн. И Дора поняла, что это такой способ существования в паре, когда на всякий случай ничего друг от друга не скрывают, сообщают каждый пустяк, любые новости и чужие секреты, чтобы как-нибудь нечаянно несказанное не скопилось и не создало серьёзное препятствие между ними. Но чем меньше барьеров было между родителями, тем выше вырастала стена перед Дорой, почти незаметная в раннем детстве. В младших классах школы из-за неё ещё торчали бантики, но потом кладка стала опережать, и скоро родители находили свою девочку только по голосу и следам, которые она оставляла со свойственной подросткам неаккуратностью. Раскидывала по дому одежду, глупые бумажки с цветочками и неумелым детским матом – записочки, кото-

рыми девочки перебрасываются на уроках. Забывала на видном месте блокнот в сердечках, наполненный густой рифмованной патокой, розовый носок со стоптанной до желтизны пяткой, и диск с хентаем. Эти вещи служили для неё чем-то вроде стигматов возраста: Дора осознавала их неприглядность, но ничего не могла с собой поделаться. Внутри неё жила взрослая женщина, но до поры она находилась в плену у неумной девчонки, которая вынуждала её совершать потные подростковые выходы, диктовала лексикон и манеры. И вещи роняла именно та, пленница, пытаясь хоть как-то подать знак, но вместо белых камешков у неё были только носочки и бумажки. А родители никого не хотели искать, покорно подбирали с пола и кресел девичий мусор и складывали в шкафы.

Насколько Дора помнила, лучше всех её находил дед. Когда ей было пять, она приходила в его кабинет, где на книжных полках стояли совсем неинтересные книги, а на столе зелёная малахитовая чернильница и механический календарь. Невежливо соваться в чужую комнату без спроса, и всё-таки она пробиралась украдкой, залезала в его жёлтый кожаный чемодан и опускала над собой крышку. Нет ничего глупее положения человека, который спрятался, а его не ищут. Даже Неуловимый Джо устроился лучше, он хотя бы скрывается от несуществующей погони и что-то с ним происходит по пути, а когда лежишь, скорчившись в душном чемодане, обшитом изнутри коричнево-пёстрым шёлком, буквально за

три минуты начинаешь чувствовать себя душой. Но дед всегда появлялся вовремя, примерно через две с половиной минуты после того, как Дора переставала ёрзать и успокаивала дыхание. Он входил в кабинет и звал:

– Дора! Дора!

Никто не отвечал.

– Где она, может, под кроватью? Под столом? А, за шторой! Нет. Эй, родители, а где ваш ребёнок? – строго спрашивал он. И Дора чувствовала, как подрагивает пол от топота – мать вбегала, заранее волнуясь:

– Дора! Дора! А вдруг она улизнула в сад и захлопнула дверь?

Было слышно, как отец щёлкает замком и выглядывает на крыльцо. По комнате пробежала волна сквозняка и врывалась в узкую щель, оставленную Дорой для воздуха.

Мать тревожно причитала, но отец молчал, и дед принимал настоящее мужское решение:

– Что ж, пойду её искать. Наверняка удрала на улицу, а там уже темно.

Он тяжело шёл к шкафу и доставал куртку М-65, в которой ходил, кажется, всегда. И тут случалось по-разному: иногда Доре становилось нестерпимо от мысли, что дедушка сейчас уйдёт в ночь на поиски, и она выскакивала, как торжествующий чёртик из табакерки; или мать вспоминала про чемодан, пыталась подать деду – «раз уж ты уходишь», – и находила Дору.

– Воооот она где! Как ты нас напугала!

Только через много лет Дора впервые задумалась над тем, почему её дед держал этот пустой чемодан в кабинете на видном месте, ведь в нём никогда ничего не лежало, кроме серой прокуренной толстовки-худы. Неужели только чтобы ей было где прятаться? Или чтобы всегда существовало место, где её можно найти?

Потом родители с Дорой переехали в просторную квартиру в далёком городе, где отец нашёл новую работу, дед остался в своём доме один и через год умер, а она повзрослела – быстрее себя – и стала прятаться внутри девочки. Но там её не искали.

Дом не продали, и каждое лето они возвращалась, чтобы снять с окон тяжелые ставни, вымести паутину из углов и привести в порядок сад. Точнее, этим занималась пожилая мексиканка Жиневра и её глуповатый сынок Бенисио, а родители только наблюдали и давали указания – бестолковая парочка нуждалась в постоянном руководстве. Дора оставалась не у дел и целыми днями слонялась по запущенному дому. Опережая ленивую Жиневру, заходила в неубранные комнаты и быстро-быстро писала на пыльных поверхностях послания. Длинные не получались, потому что буквы выходили крупными и самого большого стола хватало только на то, чтобы вывести: «Дедушка, привет, это я, До...» – имя уже не помещалось, а за дверью раздавалось шарканье прислу-

ги, которая подступала с тряпкой, и нужно было прятаться в чуланчик, с тем чтобы проскользнуть за широкой спиной, пробраться в детскую и там на тумбочке продолжить «...ра, я скучаю по тебе». «Найди меня, пожалуйста» приходилось на зеркало, но последняя буква не влезала, а в родительской спальне уже убрано, начинали всегда с неё. Дора смутно надеялась, что если всё же успеет дописать своё письмо, дед сможет его прочитать.

Потом она выходила в сад и пряталась в беседке, наблюдая, как старательный Бенисио приводит в порядок лужайку, подравнивает кусты, чистит бассейн. Его круглая чёрная голова пострижена грубо, как овечьими ножницами или газонкосилкой, а смуглая потная спина блестит, как мокрые коричневые камни, обрамляющие садовую дорожку, а комбинезон линялый, как хлорированная вода, – но на лице дремлют коровьи глаза и цветут тёмные губы, ведь ему всего лет семнадцать, но тебе, Дора, тебе-то семь. Девять... Одиннадцать... Ты уже почти девушка, Дора, незачем заглядываться на прислугу.

Он же не обращал на неё ни малейшего внимания, из лета в лето упорно обихаживал сад, огибая её, как белотелую скульптуру. Но с безрукой гипсовой девки хотя бы смахивал паутину, замедляя движения губки на круглой груди с острым соском (второй отбит). У Доры к тринадцати годам сиськи стали не хуже, но для Бенисио хозяйская дочь была существом бесполом, бесполезным и посторонним в его яс-

ной жизни.

Однажды Дора нарядилась в красное. Надела блузку с объёмными рукавами из тончайшей почти не жаркой шерсти, и юбку, обтягивающую худые бёдра и расходящуюся к подолу тюльпаном. Кровавый цвет ей не шёл, делая бледное лицо чуть зеленоватым, но это была её самая взрослая одежда, купленная к празднованию Рождества, которое устраивали в папиной фирме для семей сотрудников. Дора притащила костюм на летние каникулы специально для решительного шага. Она надела узкие белые туфли с двухдюймовыми каблучками, взяла лаковую сумочку и с независимым видом подошла к Бенисио, увязая в жирной садовой земле. Он даже не разогнулся, продолжая пропалывать клумбу.

– Привет, как дела, пойдём послезавтра танцевать куда-нибудь, – храбро глядя на его тёмную спину, проговорила она. После мучительной паузы добавила: – Мама меня одну не отпускает.

Через несколько бесконечных секунд парень поднял голову и мутно уставился на неё, Дора не выдержала, повернулась и побежала к дому, подворачивая лодыжки. Когда она захлопнула дверь и взглянула в окошко, оказалось, что он до сих пор смотрит ей вслед. Потом Бенисио снова занялся сорняками.

Два дня Дора болела от стыда, вспоминая каждый свой шаг и жест – зачем, зачем? И что она сделала не так? Как нужно было сказать? И как теперь жить, если немедленно

умереть не получилось? По утрам, пока он возился в саду, она пряталась в доме, но в пятницу мама попросила заглянуть в почтовый ящик, и Доре пришлось выйти. Улучила момент, пока его вроде нигде не было, но когда возвращалась, парень оказался тут как тут. Остановил её около бассейна и сказал:

– Пять баксов.

Дора подумала, что ослышалась.

– Что?

Парень хмыкнул.

– Ладно, мисс, три доллара, и я отмажу тебя от мамки.

Дора собрала волю в кулак и небрежно ответила:

– О'кей, заезжай за мной в восемь.

Оставшиеся часы прошли в тревоге, она не могла решить, как лучше нарядиться: красное в прошлый раз вроде бы принесло ей неудачу, но с другой стороны, он всё же согласился, а главное, ничего более взрослого у неё нет. Не надевать же майку с «Хелло Китти» и юбку в клеточку, как утром.

Дора наврала насчёт мамы, родители уезжали в гости, и с семи до одиннадцати она была совершенно свободна. Как только их машина отъехала от ворот, Дора оделась и, громко топая неудобными туфлями, пошла в родительскую спальню, чтобы напудрить перепуганное лицо и накрасить губы алой помадой. В следующие сорок пять минут она мялась в прихожей и мечтала. Бенисио приедет на старой, но симпатичной машине, на нём будут белые штаны и шляпа, он рас-

пахнёт перед ней дверцу и увезёт на первые в жизни танцы. Весь вечер он не выпустит её руку из своей сильной ладони, а потом, на обратном пути, наверняка поцелует. О том, что бывает у парней с девчонками на заднем сиденье, она, конечно, знала, но думать не могла, потому что впадала в полубоморочный жар от волнения. Поэтому просто гладила прохладный деревянный косяк и улыбалась ему, опускала ресницы, пожимала плечами, закидывала голову, поправляла волосы и репетировала другие взрослые жесты, которые, она знала, положены девушке на первом свидании.

Без одной минуты восемь она, не торопясь, вышла за ворота.

В четверть девятого Дора всё-таки решила вернуться в сад, потому что соседи уже дважды спросили, всё ли у неё в порядке.

Ещё через пятнадцать минут она услышала звяканье. Бенисио заявился на потрёпанном велосипеде, в шортах и умопомрачительно яркой гавайке, застёгнутой до шеи.

– Что смотришь? Давай баксы, и поехали.

Она расстегнула сумочку, расплатилась (всего у неё было двадцать долларов), немного помедлила и села на грязноватый багажник.

– Держись.

Дороги она не запомнила, потому что, ухватившись за его спину и вдохнув свежий острый запах, сразу перестала сообщать и думала только о том, чтобы не сжимать руки слиш-

ком крепко.

Бар «Джекки» славился как самый дешёвый в округе, и к тому же там иногда закрывали глаза на возраст и респектабельность гостей, лишь бы платили. Но тут вышибала Джош, наряженный в кожаный жилет на голое тело, откровенно расхохотался при виде парочки:

– Бенисио, придурок, ты бы ещё горшок и коляску для малышки прихватил. Совсем спятил, чудила?

Парни отошли в сторонку и немного пошептались, потом Бенисио вернулся к замершей Доре.

– Десятка.

– Но у меня тогда ничего не останется почти...

– Не жмись, колы тебе и так нальют. Или ты думала, Джош будет бесплатно нарываться на неприятности с твоей семьёй?

Дора покорно отдала бумажку, и вышибала проводил их в самый тёмный и душный угол зала.

– Сиди, не высовывайся, – сказал он, – и чтобы в десять я тебя тут не видел. Бен, ты отвечаешь.

– Ну!

Бар потихоньку наполнялся, Бенисио не собирался брать её за руку, и Дора от нечего делать разглядывала прокуренный танцпол. Диджей крутил жгучую латину, и Дора заметила, как неотрывно Бенисио таращится на огромные груди и пышные мексиканские зады смуглых пляшущих жен-

щин. Они действительно завораживали своей самостоятельной подвижностью, габаритами и крутизной. Дора поёрзала на том, на чём сидела: в её школе среди девочек господствовали глянцево-стандарты, некоторые даже пытались соблюдать диету – конечно, в промежутках между посещениями «Дайнеров», «Старлайтов» и прочих соблазнительных закусок. Подруги бы пришли в ужас от этих толстух, но Бенисио (уже почти её Бенисио) нервно подёргивался на табурете и всё больше мрачнел, что должен пасти эту капризную маленькую козу. Но, несмотря на недалёкость, он понимал свои обязанности, и раз уж его наняли, отработывал деньги. У него были три разновозрастные сеструхи, и он точно знал, какое шило водится у девчонок в задницах: только отвернись, найдут приключений, а его, Бенисио, потом в «Джекки» на порог не пустят.

Дородная немолодая официантка, покачиваясь, принесла колу и пиво.

– Детки, – она оперлась на стол, демонстрируя щедро набитое декольте, и оглядела их расширенными зрачками. – Джош сказал, у вас пятнадцать минут и проваливайте.

– Ок, Мэгги! – Бенисио с готовностью присосался к кружке. Он не хотел потерять место, где иногда удавалось подцепить покладистую девицу.

Дора взялась за свой стакан, но он оказался липким, с отпечатками чьих-то пальцев, и она не смогла сделать ни глотка. Подождала, пока Бенисио допьёт, и встала.

– Пошли.

– Эй, заплати за моё пиво, мисс. Телохранитель всегда пьёт за счёт хозяйки.

Она молча высыпала на стол мелочь и вышла.

Уже стемнело, они быстро покатали в сторону дома по тёмному полупустому шоссе. Деревья нависали над дорогой, редкие автомобили окатывали их светом фар и проносились мимо. Где-то на полпути Бенисио остановился, и Дора, которая уже успела всё простить, пока обнимала его спину, тут же затрепетала: «сейчас поцелует».

– Подержи велик, – буркнул Бенисио. – Я поссать.

Отошёл на пару метров и, ни капли не смущаясь, зажурчал. Потом вернулся, без приключений довёз её до ворот и уехал, не прощаясь.

Дора вошла в дом, не включая свет поднялась в детскую, разделась, бросилась на кровать и заплакала. Тихо вернулись родители, похихикали и улеглись спать, а она ревела от разочарования, пока не заснула. Утром проснулась и подумала: «Красное всё же невезучее».

Через несколько дней наступил тринадцатый день рождения Доры, странный праздник, который в последние годы мучил её несоответствием внутреннего и внешнего возраста. Особенно сейчас, когда сердце её было разбито, она познала разочарование, тайно посетила гнездо разврата, впервые обняла мужчину, а ей дарят розовый торт и медвежонка. У неё

в душе бездны, а мама и папа заставляют задувать именинные свечи перед камерой смартфона. Дора испытала некоторое удовольствие от семейного праздника, но единственного подарка, которого жаждала душа, она не получила: Бенисио не пришёл её поздравить. После всего, что между ними было!

Казалось, обида сковала сердце льдом и уничтожила любовь, но в середине недели она вдруг поймала себя на мысли, что подаренные папой пятьдесят долларов было бы неплохо *прокутить*. Она использовала именно это слово: кроме прочих мелочей, Дора получила от мамы хорошенький блокнот в блестящей обложке и решила в очередной раз завести дневник. В нём она первым делом описала недавнее приключение с Б., подбирая для этого самые красивые и лихие выражения. Поэтому их поездка называлась кутежом в шикарном притоне, которые она, Дора, щедро оплатила восемнадцатью баксами, раз уж привыкла ни в чём себе не отказывать. Весь вечер она была звездой танцпола и остановку на обратной дороге тоже представила несколько иначе: Б. внезапно затормозил, остановил свой подержанный, но крутой «Кадиллак» и покрыл её поцелуями, всю. Отложив ручку, Дора слепо уставилась в окно: придуманная картинка виделась отчётливее, чем были настоящие воспоминания, и она отчаянно захотела *повторить*. Поэтому, спрятав блокнот в ящик стола, Дора спустилась в сад, нашла Бенисио и почти спокойно предложила:

– Поехали в пятницу в «Джекки».

Он оторвался от работы и сплюнул:

– Ну уж нет, мисс, я не хочу неприятностей.

– Пять баксов, – веско уронила Дора.

– Ладно, – ухмыльнулся он, – чёрт с тобой.

– Тогда в восемь, и не опаздывай. – Она гордо удалилась, чрезвычайно довольная собой.

Дора едва дождалась, когда родители укатят на свою еженедельную вечеринку, и помчалась в их комнату. Она придумала, как решить проблему с одеждой: мамино золотистое шёлковое платье! Мама считала его слишком праздничным для похода в гости в этой дыре, привозила на случай выезда куда-нибудь поприличнее. Оно обтягивало её, как перчатка, а на хрупкой Доре болталось, зато открывало плечи и большую часть груди. Подол доходил до пят, так что пришлось затянуть талию тоненьким ремешком, получилось красиво. Ровно в восемь Дора стояла у ворот и осторожно выглядывала на улицу. Бенисио опоздал всего на пять минут и ничего не сказал о платье, только фыркнул. Их, кажется, никто не заметил. Потом были блаженные полчаса дороги, издевательский хохот вышибалы, весёлое недоумение барных завсегдатаев и нестерпимо скучный час всё в том же тёмном углу. На этот раз Дора едва не влипла: одна из пьяненьких девиц заметила рядом с придурковатым Бенисио диковинную птицу и двинулась разобраться, но на полпути

поняла, что перед ней разнаряженная соплюха, недоумённо потрясла головой, отвернулась и тут же обо всём забыла. Но Джош, тревожно поглядывавший в их сторону, всё видел, и бесцеремонно выставил парочку в половине десятого с традиционной присказкой про неприятности.

– Заладили... Можно подумать, неприятность – моё второе имя, – тихонько бормотала Дора, присаживаясь на багажник. – Хотя, конечно, от роковых женщин всегда много проблем.

Дора гордо выпрямилась, потеряла равновесие и свалилась с велосипеда. К счастью, они ещё толком не разогнались, она только ушибла коленку и немного испортила платье – так, разрез на бедре стал чуть выше, мама ничего не заметит. Бенисио выругался и рывком поставил её на ноги.

«Может, – понадеялась Дора, – он меня сейчас поцелует?» Но парень скомандовал садиться и быстро поехал в сторону дома. Дальше добирались без приключений, Дора спрятала платье поглубже в шкаф и улеглась в постель. «Хорошо бы понять, – размышляла она, – можно ли считать эту поездку удачной? Ведь я произвела впечатление, а с другой стороны, он опять меня не поцеловал». Она так и сяк прокручивала в голове события вечера, потом заснула. Поутру пересчитала оставшиеся после вчерашнего разгула деньги, надела длинные штаны, чтобы прикрыть разбитое колено, и спустилась к завтраку, стараясь не прихрамывать. Наблюдая, как мама заливает золотистые кукурузные хлопья тёплым молоком, по-

думала: «Интересно, хватит ли двадцати девяти долларов, чтобы Бенисио согласился меня поцеловать?»

Выяснить этого ей не удалось, потому что в понедельник случилась катастрофа.

Дора неторопливо возвращалась из парка, когда увидела несущуюся навстречу машину. Она с удивлением опознала в безумном водителе своего отца. Автомобиль развернулся, затормозил рядом с ней, папа распахнул дверцу и сквозь зубы бросил: «Залезай».

– Что-то случилось, пап? – спросила она, усаживаясь на переднее сиденье, но он молча захлопнул дверцу и резко набрал скорость.

Въехав во двор, отец даже не стал загонять машину в гараж, выдернул Дору и потащил в детскую.

Там их ждала заплаканная мама.

Дора увидела у неё в руках свой новенький дневничок и почувствовала, как жар, идущий из груди, заливает всё тело, как сжимается горло и кровь закипает в голове, а живот скручивает резь. Это были страх и стыд, она знала эти чувства, но никогда её не захлёстывало так сильно. Она едва могла стерпеть, согнулась вдвое, потом медленно опустилась на пол.

– Дора, – всхлипывая, сказала мама, – ты стала шлюхой.

Мать говорила с ней, как со смертельно больной, а папа смотрел на дочь так, будто увидел впервые и она ему крайне

не понравилась.

– Как бы не так, – прошипел он. – Шлюхи... – отец проглотил грубое слово, – блудят за деньги, а наша похотливая ссс... дрянь сама приплачивает кобелям.

Дора вспомнила, как расписывала в дневнике пятничное приключение, используя самые крутые словечки, чтобы разукрасить его подлинную ничтожность. Как изобразила стычку с разъяренной фурией, бывшей подружкой Б., и как размышляла, стоит ли его любовь (так и выразилась, дура) двадцати девяти баксов. Она попыталась закрыть лицо, но отец дёрнул её за руки:

– Нет уж, смотри нам в глаза. Умела блудить, умей и отвечать.

И самым ужасным было то, что он потом почти машинально достал безукоризненно чистый клетчатый платок и брезгливо вытер ладони.

Этого Дора уже не смогла вынести. Она повалилась на бок, припала щекой к пушистому коврику с Мэгги Симпсон, подтянула колени к груди и отключилась.

Она почти не помнила, как семейный врач вкатил ей укол, осмотрел, в том числе и на предмет наличия невинности, как перепуганные родители увозили её в город, даже последующие визиты к детскому психологу почти стёрлись из памяти, настолько плохо ей становилось от малейшей попытки сосредоточиться на происшедшем.

Кажется, именно тогда Дора научилась забывать.

Однажды, с благой целью избавить девочку от психологической травмы, мама попыталась шутливо рассказать, как были раскрыты «деткины шалости» – так стали называть тот случай ради снижения драматизма. Мама, посмеиваясь, вспомнила, как встревоженная соседка наябедничала ей, что видела малышку разодетой, будто циркачку. Как она обнаружила своё золотое платье «разодранным до пупа», как осмелилась «нарушить прайвеси» и заглянула в её дневник, а там...

– Мы сначала не могли понять, кто этот роковой Б., отцу пришлось поехать в «Джекки» и вытрясти душу из тамошнего отребья.

– Да-да-да, – подхватил папа. – Когда я понял, что речь про дурачка Бенисио, то сначала решил, что он спёр ради тебя машину, но мне рассказали про ваш королевский экипаж...

И родители несколько натужно засмеялись.

– Потом я помчался в сраную хибару Жиневры. Видела бы ты, как семейка твоего принца ютится друг у друга на головах! Чуть не влетел в аварию, выдернул его из сортира и едва не убил. Он божился, что ничего не было, но я не верил, пока...

– Пока мы не посмотрели на тебе и не вспомнили, что ты просто маленькая мечтательная дурочка, – ласково закончила мама.

– И... – Отец попытался ещё что-то добавить, но Дора побелела и опять начала сползать на пол.

Родители замолчали и слаженно, как научились за последние месяцы, подхватили её, уложили на диван, сбегали за аптечкой и между делом приняли окончательное решение никогда, никогда больше не говорить об этом.

Дора вышла замуж очень рано, за первого своего мужчину – за первого, кто позвал. Брак этот состоялся с благословления родителей, которые сами познакомили дочь с надёжным взрослым парнем. После безобразной истории с Бенисио они подозревали в своей девочке страстный темперамент и постарались поскорее найти ей пару, «чтобы ребёнок не превратился в шлюху», как выразилась мама.

Её брак просуществовал двенадцать лет и был несчастлив.

Когда Доре исполнился двадцать один год, родители исчезли. Это произошло не в одну секунду, но всё равно слишком быстро. Однажды весной они позвали дочь в гости, особо подчеркнув, что желают видеть её одну, без мужа, и за ужином сказали... Дора не помнила, кто из них заговорил первым, их реплики в последние годы всё чаще звучали по очереди, будто расписанные заранее:

– Дорогая, мы приняли решение...

– Мы хотим уехать...

– Посмотреть мир...

– Сменить обстановку...

– Отличная идея. – Дора вежливо улыбнулась. – Когда вы намерены ехать?

– Послезавтра. У нас уже всё готово...

– Просто не хотели тебя беспокоить...

– Немного неожиданно. А когда вернётесь?

– Ты не поняла, Дора. Мы уезжаем насовсем.

И далее они рассказали наглухо замолчавшей дочери, что намерены отправиться в тихоокеанский круиз, затем хорошенько поездить по Азии, осмотреть Африку, а потом осесть где-нибудь в Испании или где понравится. Может быть, на юге Франции, если арабы не заполонят её окончательно. А квартира, где они сейчас мирно пьют чай, продана. Эта столовая со светлыми стенами и огромным телевизором, и её бывшая детская, сразу после замужества превращённая в комнату для гостей, даже белые фарфоровые чашки и расшитая скатерть на столе, – всё принадлежит другим людям.

– Нам понадобятся все наши деньги, милая, – объяснила мама. – Поэтому мы решили не оставлять здесь ничего, ни собственности, ни вложений, наши деньги уже в Европе.

– Кроме, конечно, некоторой суммы для тебя, детка, – добавил папа. – Мой поверенный пришлёт тебе все банковские документы на будущей неделе.

– Ты рада за нас, Дора?

Она наконец смогла заговорить:

– Но какого чёрта?.. Какого чёрта вы бросаете меня одну? Родители глядели на неё с непроницаемой доброжелательностью.

– Ты не должна так на это смотреть...

– Люди имеют право изменить свою жизнь не только в двадцать лет.

– Но вы... вы... – Она не могла найти подходящего слова и выбрала простое и плоское. – Вы что же, не будете обо мне скучать?

Они улыбались.

– Конечно, будем.

– И вам плевать, что мне без вас будет плохо?

И тут мама стёрла с лица приторно-ласковое выражение, выпустила папину ладонь, которую держала весь вечер, положила локти на стол и подалась вперёд – так резко, что задела чашку. В упор взглянув Доре в глаза, она сказала:

– Ты ведь давно в нас не нуждаешься. – И это был не вопрос.

Дора замерла, рассматривая серую радужку с тёмными крапинками, длинные подкрашенные ресницы, сухую кожу и чётко очерченный розовый рот.

– Ты перестала разговаривать с нами лет в десять, Дора. Мы никогда не знали, что у тебя в голове, а ты никогда не интересовалась, что чувствую я или папа. Родители тебе нужны разве что для порядка, как символ семьи. И нас вполне может заменить хороший фотоальбом.

Папа успокаивающе погладил её по плечу, мама встрепенулась и спросила:

– Хочешь ещё пирога?

Дора хотела ответить, что она, мама, всегда оставалась для неё последним прибежищем и последней надеждой. Они могли ссориться или не замечать друг друга, но в глубине души Дора знала, что случись с ней беда или хуже того – позор, после которого все отвернутся, она всегда сможет приползти домой, к матери, и та оправдает её, неправую по всем законам божеским и человеческим. Пожалеет, простит, накормит пирогом, спрячет и разрешит ей быть такой, какая она есть, со всеми грехами и преступлениями. Не то чтобы Дора собиралась их совершать, но мысль о гарантии полного понимания, несмотря на любые обстоятельства, была ей важна. Ради этого можно потерпеть повседневную холодность, непонимание, отчуждение – ради возможности однажды стать маленькой маминой девочкой, любимой вопреки всему. Но теперь уверенность исчезла, дом рассыпался, мама её бросила, и поэтому Дора сказала:

– Хочу, – и подставила тарелку.

Через полчаса она уже стояла в прихожей, и родители поочередно обнимали её, не крепче и не дольше, чем при обычном еженедельном расставании. Потом они снова взялись за руки, и Дора посмотрела на них, стараясь не думать, что это в последний раз. Папа выглядел растерянным. На маме в тот вечер было пепельно-розовое платье с мелкими серыми цве-

точками, с неровным асимметричным подолом и длинными широкими рукавами, на левом темнело небольшое пятно от расплескавшегося чая.

2

Дора недолго горевала: через полгода страну накрыл Потоп, и все немного сошли с ума. Старушка-Африка устала, внезапно сказала «крак», от неё откололся кусок размером с Австралию, и через полмира пронеслась огромная волна, которая нахрен всё смыла. Ну, почти всё. Их штат и несколько соседних, лежащих в центре континента, остались целы, но восточное побережье накрыло целиком, запад тоже пострадал, прокатилась цепь землетрясений – ну да все это знают. А когда катаклизмы утихли, оказалось, что мир непоправимо изменился. И не только в материальном смысле, перевернулось даже ментальное строение реальности. Для большинства стало новостью, что континент с полумиллиардным населением существует по принципиально иным законам, чем с миллионом жителей. И ладно бы речь шла о государственном устройстве – пошатнулись даже законы физики, в том числе и те, о которых люди не подозревали. Потихоньку начала расползаться ткань реальности, время изменило своё течение, а расстояние между точками А и Б сделалось произвольным. Там, где оставалось много народу, привычная действительность держалась довольно плотно, можно даже сказать, что всё было почти по-прежнему. Войска мгновенно взяли под контроль супермаркеты, торговые и промышленные склады, не было ни грабежей, ни особой спекуля-

ции – кризис перепроизводства наконец-то оказался полезным. Огромные моллы, забитые товарами до крыш, могли какое-то время обеспечивать людей всем необходимым, позволяя сохранить остатки привычного комфорта в ожидании момента, когда окрестные заводы переориентируются под новые условия.

Но стоило выйти из города и отъехать по сохранившейся трассе к побережью, мир неудержимо менялся. Поездки к югу были надёжнее, существовал неплохой шанс добраться до следующего обитаемого города – правда, не всегда привычным путём и через предсказуемое время. Похоже, прежде стабильность бытия во многом удерживалась массовым представлением о нём. Теперь же человечество будто вернулось в Средние века, когда небольшие островки цивилизации окружали дикие туманные земли, в которых гнездились драконы, духи и племена полуразумных существ, не похожих на людей. Впрочем, о судьбе всего человечества доподлинно никто не знал, но часть его определённо оказалась отрезанной, и со всеми своими достижениями, вроде Интернета (разумеется, остались только локальные сети, но называли их по старинке) и мобильной связи, часть эта ютилась на обломках «здесь и сейчас» среди текучего зыбкого «никогда и нигде». Воздушное пространство тоже закрылось – большинство аэропортов и техники погребло, оставшееся авиатопливо в новых условиях стало дороже кокаина. К тому же что-то случилось с погодой, участились ураганы и никто

не рисковал соваться в воздух на лёгких самолётах. Эксперты очень тихо, практически жестами, намекали ещё на одну причину: самолёты больше не летали ещё и потому, что в них никто не верил. Девяносто процентов населения искренне не понимало, как эта железная дура поднимается в небо и не падает, а в новых условиях фактор веры стал важней, чем объективные причины и физические законы.

Брак Доры пережил катаклизмы, но не справился со скукой. Поначалу всех охватило странное состояние: вот ты живёшь в обычном городе, а вот повсюду начинается проваливаться земля, и ты уже на горном плато, а вокруг ущелья и облака клубятся. Плато, правда, простирается на сотню-другую миль, вполне достаточно для нормального существования, но ты-то знаешь, что мир уменьшился и тот ареал, который казался уютным в прежние времена, становится удушающе тесным.

И если первые семь лет Дора и её муж Элрой «смыкали ряды и сплачивались перед лицом бедствий», как писали в официальных призывах, позже они начали тяготиться вынужденной близостью и неизменностью обстановки. И однажды муж «отъехал».

Тут нужно объяснить, что растерянное правительство колебалось между диктаторскими мерами и естественной для страны демократией. Для сохранения цивилизации имел значение каждый человек, и стоило бы не отпускать никого

из городов, чтобы не потерять критическую массу сознаний, удерживающих реальность. Ввести контрольно-пропускной режим, ловить и возвращать дезертиров, окончательно замкнуться и обособиться. Но для организации периметра требовалось создавать и содержать какие-то карательные органы, непосильные для бюджета штата. Кроме того, кое-как разобравшись в метафизике нового мира, пастыри народа вполне допускали, что собери они сейчас серьёзную силовую структуру, и окружившая их неопределённость возьмёт да и генерирует в ответ не менее серьёзного внешнего врага – ну, чтобы жизнь мёдом не казалась. В новых условиях люди легко приняли возможность быстрого симметричного воздаяния и возникновения чего угодно из ниоткуда, – точно как персонажи допотопного анекдота не сомневались, что вероятность встречи с динозавром пятьдесят на пятьдесят процентов – «или встречу, или не встречу». И потому власти пришли к прекрасному решению: заботиться о людях так, чтобы у них не появлялось желания разбежаться, а в качестве дополнительной меры мягко ограничить эту самую возможность разбежаться. Ёмкость новых аккумуляторов электромобилей, которые ещё до Потопа стали самым популярным видом транспорта, уменьшили, так что заряда хватало только на двенадцать часов. Всякий понимал, что за пределами обитаемой ойкумены шанс встретить зарядочную станцию минимален, а желающих отправиться в пешее путешествие по неизведанным землям находилось мало. Разве что

какие-нибудь асоциальные психи, ну так без них атмосфера здоровее. Правда, со временем выяснилось, что добропорядочные граждане тоже подвержены внезапному помрачению. Протекало это примерно одинаково: без видимых причин люди начинают скучать и тосковать, постепенно замыкаются и окукливаются, а потом сбегают. Таких бедолаг называли «отъехавшими» и старались не вспоминать.

И вдруг это случилось с мужем Доры. Ужас ситуации в том, что человек, готовясь к уходу, прятал тоску внутри себя и не демонстрировал никаких ярких признаков принятого решения – не высказывал претензий, не плакал тайком, не устраивал патетических сцен и длительных прощаний. Тому, кто глядел на него с любовью, казалось, что глаза родного человека смотрят внутрь себя, перестали отражать чужие лица и он больше не видит близких. Но чаще всего у «отъезжающих» не было никого, кто глядел бы на них с любовью или просто с пристальным вниманием. Так уж вышло, что город покидали одиночки, подростки, потерявшие контакт с родителями, супруги, изжившие в браке связь друг с другом. Они разрушали то, что принято называть «нормальной семьёй», без всякого шума: их сердца становились плотно сжатыми, как бутон пиона, лица – замкнутыми, а глаза равнодушными. Они вставали из-за стола после завтрака, спускались в гараж, садились в свои машины и уезжали прогуляться. Иногда откладывали работу, поднимались и уходили. Или шли покурить после секса, как муж Доры, и уже не возвращались.

Порой близкие выясняли, что человек заранее готовился к побегу, а в других случаях это выглядело спонтанным решением. Муж Доры был из «внезапных», она могла поручиться, что он удрал на своём мотоцикле, не взяв ни еды, ни тёплой одежды. Хорошо хоть штаны натянул, выходя. Она всё время пыталась угадать, бросил ли он последний взгляд на неё, лежащую ничком на скомканных простынях. В конце концов, это было бы вежливо. Но единственное, что она помнила – как он встал, набросил на неё одеяло, потому что кожа её стала остывать после любви, немного повозился, одеваясь, и исчез, прикрыв дверь. Она к этому моменту уже задремала и проснулась только через несколько часов, на рассвете.

То утро сохранилось в памяти Доры в мельчайших подробностях. Она попыталась определить положение своего тела на кровати, не открывая глаз. Иногда при пробуждении у неё возникала короткая потеря ориентации, когда не получалось сразу сообразить, где находится край постели – слева или справа, лежит ли она к окну головой или ногами. Забавное головокружительное чувство, будто под тобой надувной матрас, плывущий по реке, и при неловком движении можно скатиться в воду. Иногда это пугало, иногда развлекало, в зависимости от того, насколько тревожной она просыпалась. Обычно ровное сопение мужа помогало разобраться, но сегодня было тихо. По-прежнему с закрытыми глазами Дора начала воображать свою комнату, заново воссоздавая вокруг себя реальность. Розовое смятое бельё, про-

хладное металлическое изголовье, бледные пионы на столике у кровати, она слышала их запах, наполняющий спальню. Элроя так и не почувствовала, скорее всего, он отодвинулся подальше и спал, отвернувшись. Приоткрытое окно, затянутое сеткой, палисадник, куст шиповника. На густозелёных листьях лежат выпуклые капли росы, которые должны бы отражать весь мир в миниатюре, но если попытаться приблизиться и рассмотреть, ветка обязательно дрогнет и окатит прохладными брызгами. Дора заранее поёжилась, хотя сейчас ей было тепло под одеялом. Мир казался абсолютно безлюдным, как в рассказах Брэдбери, которые волновали её в детстве. Дора могла выбрать сегодняшней сценарий: будет ласковый дождь над Землёй, где не осталось ни одного человека, или это звонкое утро принадлежит единственному на планете колонисту, а может, небольшая семья поедет в путешествие по пустой стране. Маленькой Дора обычно предпочитала второй вариант: никого и весь город в её распоряжении – опустевшие аттракционы в парках, кондитерские, моллы, набитые игрушками и одеждой, и сияющие космические Эппл-сторы с идеальными взрослыми гаджетами. Да и позже она не особенно желала иметь компанию. Но в то утро вдруг подумала, что глупо изображать одиночку, будучи замужем. Мужчина, который давно уже обособился настолько, что она отмечала лишь физическое присутствие и никогда не улавливала его эмоционального фона, – этот мужчина всё-таки был в её жизни, согревал её и оберегал. Пожалуй, она всё

ещё любила его, и сейчас пришло время сказать об этом, повернуться, обнять за спину и шепнуть на ухо: «Я тебя люблю». Дора представила, что он почувствует. Между ними всё было хорошо, они отделились только из-за душевной лени, и каждый не торопился преодолеть образовавшееся расстояние, ведь сближение требовало некоторого усилия: заговорить нежнее обычного, мимоходом прикоснуться, ответить на вопрос «как ты?» чем-то большим, чем «прекрасно». Но вернуть всё легко. «Наверное, он удивится, – подумала она, – а потом обрадуется. И если ему хватит духу – скажет об этом. А если не хватит, я сама скажу. “Я рада, что ты со мной, любовь моя”, – скажу я».

Дора почувствовала уже несколько позабытое свечение в груди, будто на её теле обозначилось место, которым необходимо прижаться к чужой спине. Когда некого обнять, эта точка тяготит, как лазерный прицел, но у неё-то есть мужчина, и нужно только донести до него тепло, не расплескав. Дора повернулась, всё ещё зажмурившись, протянула руку, но наткнулась на шершавую белёную стену. Она лежала поперёк кровати, одна, – и сияние начало сжиматься до маленького красного огонька.

Дальнейшие события этого дня не имели особого значения, потому что с тех пор она носила на себе этот невидимый знак.

Правительство начало масштабное изучение проблемы

«отъехавших». Удалось выявить кое-какие закономерности, во многом связанные с лунным циклом и атмосферными явлениями. Получалось, что настроения общества подвергались волновым колебаниям, люди становились уязвимыми в пиковые моменты, и тогда не выдерживало и отъезжало гораздо больше народу, чем в «тихие» периоды.

Объяснить это явление никто не мог, но уж если оно существовало, с ним следовало работать. И в городах стали появляться службы эмомейкинга. Точно как раньше нюсмейкеры создавали новостные блоки, эмомейкеры занимались формированием и корректировкой настроений. Если полнолуние раскачивало нестабильные сознания и в воздухе витала агрессия – в эфир шли умиротворяющие тексты и музыка, для женщин транслировались лирические истории, а мужчин занимали неторопливыми интеллектуальными разговорами. Когда же на людей обрушивалась тоска, в ход шли юмор, спорт и секс. К работе на официальных каналах привлекали психологов, комиков, священнослужителей всех имеющихся культов, экстрасенсов, литераторов и просто тонко настроенных граждан, способных улавливать состояния умов. Одним из таких эмомейкеров стала Дора.

Оставшись одна, она пустилась на поиски работы и набрела на расплывчатое объявление «для креативных и талантливых».

В офисе её встретил мужчина в атласной лиловой рубашке, который представился Джереми. При каждом движении

его небольшого тела ткань чуть меняла оттенок и поплёскивала. Переливы так заворожили Дору, что она с трудом отвела глаза и огляделась. Светлый кабинет с огромными окнами и мягкими стульями для посетителей несколько выпадал из типичного офисного образа, потому стенные стеллажи населяли фигурки кошек – деревянные, керамические, стеклянные и ещё бог весть какие. Некоторые статуэтки были так велики, что не помещались на полках и громоздились по углам. Своё большое уютное кресло Джереми проигнорировал, присел на край стола, демонстрируя раскованность, и задал Доре тысячу быстрых вопросов, темп которых не оставлял времени на размышления.

– Назови любимых писателей. Ты везучая? У тебя бывает ПМС? Метеозависимость? Цвет твоего ноутбука? Кошка или собака? Как тебя наказывали в детстве?

Вопросы сыпались и сыпались, кажется, часами, иногда она отвечала невпопад, иногда злилась и огрызалась: «Не скажу», если чувствовала слишком глубокое вторжение в частное пространство, но замолчать почему-то не могла и в конце концов расплакалась. Джереми нажал кнопку селектора.

«Вызовет секретаршу с водой, а потом прогонит», – подумала Дора, но он спросил у кого-то:

– На каком вопросе? – И выслушав ответ, повернулся к ней. – Ты долго продержалась. Иногда это показатель толстокожести, в нашем деле недопустимой, но слёзы – хороший

знак. – Он помолчал. – Расскажи, что ты видела сегодня во сне? Не спеши только.

– Мне снилось, что я счастлива. – Неожиданно для себя Дора начала говорить правду. – Что я встретила мужчину, ну, одного, которого любила, а он меня нет, и он вдруг посмотрел на меня, обнял, и всё стало ясно без слов. Тепло между нами, и всё будет хорошо...

Дора осеклась, увидев, как он пометил что-то в блокноте. Испугалась, что спросит, кто этот мужчина. Врать не хотелось, а сказать, что снился дурачок из детства, она бы постыдилась. Но Джереми не потребовал уточнений, а спросил:

– С каким настроением ты проснулась?

– Очень счастливой. А потом я заплакала. А потом услышала за окном голубей, и солнце показалось в нашем садике, и я перестала. У нас высокие деревья перед домом, но солнце всё равно светит в окна, мягко, сквозь листья, я специально смотрела, когда мы выбирали дом.

– Достаточно, я понял. – Он отложил блокнот. – Тридцать процентов женщин брачного возраста проснулись сегодня в слезах. Таковы были вчерашние прогнозы... Ладно, – после паузы продолжил Джереми. – Проверим, сможешь ли ты говорить. И *услышат* ли тебя.

С тех пор жизнь её пошла правильно. Дора нашла способ перехитрить судьбу: чтобы та стала предсказуемой, надо выбирать будущее самой, а потом по возможности исполнять

назначенное. Нет, не планировать – зачем же смешить богов, духов, ноосферу или что там тянет за ниточки. Но чутко прикасаться к этим нитям, определяя по едва заметному напряжению, какая из них вскорости окажется потревоженной сверху. И потом доносить до людей своё предчувствие, формулировать неназываемое и овеществлять бесплотное. Не нужно никакого особого мастерства, будущее ведь уже существует в качестве водяных знаков, и проявить его – дело техники. Дора чувствовала себя Кассандрой, которой поверили, и не знала большего счастья, чем прийти вечером в полутёмную студию, переобуться в носки-тапочки с вязаным верхом и кожаной подошвой, наполнить высокий стакан прохладной, но не ледяной водой без газа, сесть за пульт, нажать кнопку «эфир» и откинуться на спинку кресла. На несколько секунд над городом повиснет тишина, оттенённая её спокойным дыханием, потом, может быть, стакан мягко стукнет о синее сукно стола, и мир, наконец, услышит, как она улыбается, когда произносит:

– Сегодня злая луна, девочки, ой до чего злая. Помните, какова она порой: сексуальная, печальная, иногда попросту скучная – и такое бывает с ней, но сегодня поберегите души вокруг вас, потому что у неё и когти, и зубы, и мускулистые ноги, на которых можно умчаться дальше, чем хотелось бы.

Голос Доры становится хрипловатым, чего с ней в обычной жизни не случается, разве что если лечь на живот, поднять голову и говорить в этой неудобной позе. Но сейчас она

расслабленно сидит в кресле и смотрит в глубокое пространство впереди. Ей нужна темнота перед глазами, поэтому студия отделена прозрачной стеной, не задерживающей взгляда, от большого зала, который оканчивается окном и небом. И в это небо она рассказывает о том, как устроена сегодняшняя ночь.

Когда в ту первую встречу Джереми с особенным нажимом произнёс: «Услышат ли?», она решила, что речь пойдёт о горожанках, о тех, кто сейчас ловит её голос в местной сети интернет-вещания. Их программы шли без картинки, это принципиально – только звук, только интонация, которую каждый волен дополнять воображением, достраивая собственный, убедительный образ волшебника, создающего для него личную сказку. И Дора не сомневалась, что её речи предназначены лишь засыпающим женщинам, их будущим снам и завтрашнему утру, когда они проснутся, неся в себе семена её слов. Но с течением времени поняла: все эмейкеры в глубине души знают, что заговаривают зубы чему-то неизмеримо большему, чем другие люди. То, что окружило город подобно дремлющей змее, то, что стережёт их мысли, до поры тихое, но всегда готовое разметать островок стабильной реальности, если притяжение тысяч рассудков ослабеет – оно тоже слушает.

Мейкер, осознавший это, обычно переживал кризис. Кто-то терял голос, боясь произнести в эфире лишнее слово, чтобы, не дай бог, не «поломать мир»; кто-то чувствовал пья-

нящую власть и пытался оседлать неназываемые силы, подбрасывая им важную, с его точки зрения, информацию, формулируя запросы на «счастье для всех, даром», а в результате «терял уши». Так на профессиональном жаргоне называлась ситуация, когда мейкера переставали слушать обычные люди. По большому счёту, он утрачивал чутьё, и если из кризиса молчания был выход, то этот демиургический кризис обычно заканчивался профнепригодностью. Джереми любил повторять: будьте органичными, как котики. Котики всегда уместны, естественны, идеальны. Они знают больше, чем понимают, и способны изменить многое из того, что выше их разумения. Но сила и добродетель котиков в том, что они этого не желают – живут, гармонизируя пространство, правят людьми, не питая ни малейших амбиций. Будьте котиками, и мир склонится перед вами, правда, вы этого не заметите.

Дора пережила первый, щадящий вариант кризиса, когда поначалу отказалась от импровизации в эфире, записывала заранее каждое слово и потом нервно сверялась со шпаргалкой. Джереми ждал, позволяя через это пройти: её провальные монологи на самом деле не транслировались. В течение нескольких недель Дора разговаривала сама с собой, а потом её как-то отпустило, она прикрыла глаза и запела, как прежде. Дора так и не узнала, что какое-то время вместо неё на аудиторию работал дублёр, хотя потом не раз наблюдала, как Джереми проделывает этот трюк с другими. Но будь ты

хоть тысячу раз оракулом, Кассандрой, «проводником» или как это ещё назвать, о себе никогда ничего толком не понимаешь.

В остальном её жизнь ничем не отличалась от существования обычной женщины средних лет, с учётом особенностей их постапокалиптической эпохи, то есть была хоть и странной, но довольно насыщенной.

Ещё в допотопные времена культ молодости, характерный для начала века, сменился культом зрелости. Общество неуклонно старело, лентяй размножаться, продолжительность жизни увеличилась, и средний возраст американца приблизился к сорока. Первыми на эти изменения среагировали, как ни странно, глянец, индустрия моды и развлечений, и лишь затем подтянулись остальные отрасли. Когда оказалось, что эталонному платёжеспособному покупателю уже не двадцать пять и даже не тридцать, масс-медиа стали быстро меняться сообразно вкусам клиента. Дора ещё помнила, как это начиналось. Сначала из журналов исчезли худышки подросткового типа, сменившись на женщин в теле. Никто не хотел злить потенциальную читательницу, которая, просидев полжизни на диете, устала держать девичью форму и уже хочет расслабиться. И внезапно глянцевого диве стало можно иметь бока со складками, ляжки с намёком на целлюлит и внушительную задницу. А там и до морщин рукой подать! Сколько можно любоваться отфотошопленными ли-

чиками, пугаясь потом собственного отражения в зеркале? И гонорары пятидесятилетних манекенщиц, уже было ушедших в тираж, взлетели до небес. Всем стало интересно наблюдать, как стареют давно знакомые Адриана, Наталья и Бьянка, а восхождение новеньких «звёздочек» уже не казалось волнующим. Над ботоксными и силиконовыми куклами всё больше смеялись, и косметические фирмы потихоньку заменяли в своих слоганах слова «юность» и «свежесть» на «индивидуальность» и «здоровье». «Красота», впрочем, никуда не делась, но комплекс характеристик, составляющих это понятие, постепенно изменился. Возрастных моделей теперь политкорректно и уважительно называли «женщины с лицом», намекая, что девчонки-то безликие и бесхарактерные. Молодость аккуратно выводили из моды, населяя глянцево-страницы «товарами для здоровья».

Параллельно с визуальным рядом менялись и стандарты отношений. Пожилой бизнесмен, появившийся в обществе с юной девой, при условии, что это не его дочь, рассматривался как человек, не способный создавать и поддерживать серьёзные отношения с ровесницами, падкий на лёгкую добычу и продажную любовь. Молоденьких любовниц всё чаще прятали, и даже для эскорта начали нанимать эффектных женщин средних лет. Чиновники демонстративно женились на состоявшихся журналистках, художницах, адвокатках и режиссёрках (феминитивы уже прочно завладели умами), демонстрируя интерес к интеллекту, а не только к те-

ду – «трофейные жёны» могли всерьёз осложнить карьеру и превратить политика в посмешище. Высший шик – супруга на десять-пятнадцать лет старше, такая добавляла баллы к любой репутации. Естественная человеческая тяга к свежей плоти никуда не делась, но перешла в разряд полупристойных желаний. Социологи пожимали плечами: а что такого? Сначала мужчинам запретили спать с двенадцатилетними девочками, потом с шестнадцатилетними, и теперь это никого не удивляет. Тенденция не угасает, и уже двадцатилетние партнёры считаются неприличными, двадцатипятилетние немного смешны, и лишь тридцатилетние находятся на грани «престижного потребления».

На рынке труда юношей и девушек предпочитали задействовать в сфере услуг, не допуская в серьёзный бизнес. Учись, служи в армии, бегай курьером и официантом, развлекай пожилых дам и джентльменов, и лишь после тридцатника тебя, может быть, привлекут к настоящему делу. Стажёром для начала.

Гормональный фон общества снизился, и в моду вместо страсти вошли любовь-дружба, взаимопонимание и духовная близость. Впрочем, рынок стимуляторов взлетел до небес, но препараты для повышения либидо пока рекламировали только на последних страницах журналов.

Потоп чуть освежил ситуацию, в стрессовый период популяция снова потребовала горячей крови, но всё же молодость окончательно перестала быть фетишем, и женщи-

ны почти полностью утратили страх перед старостью. Страх смерти, правда, никуда не делся.

В этих условиях зрелость Доры протекала достаточно уютно. Эмоейкеры не афишировали своих занятий, их даже не узнавали по голосам, идущим в эфир с небольшой обработкой, так что звёздами они не были. Для большинства Дора оставалась привлекательной дамой, свободной и обеспеченной, с необременительной работой и лёгким нравом. Среднего роста, но довольно худая, так что казалась высокой, узкое лицо обрамляли почти натуральные пепельные локоны, глаза светлые, но не голубые, а какие-то песочно-серые. Она почти всегда выглядела уверенной и спокойной, если бы не лёгкая нервность нижней части лица, небольшой тик, накатывающий изредка: тогда левый уголок рта чуть сползал вниз и пульсировал. Эту дрожь чувствовала только она, а собеседник замечал странную кривоватую улыбку, которую Дора непроизвольно пыталась прикрыть рукой. Случалось это крайне редко и без видимых причин. Например, однажды, когда она вошла в комнату и увидела любовника, рассматривающего её телефон. Он тут же отложил мобильник, экран не светился и вообще был запаролен, но Дора тогда минут пятнадцать пыталась унять лицо. Позже бедный парень никак не мог взять в толк, почему она «свернула» их связь. Она и сама не могла.

Дора была из тех, кто по нынешним меркам «не умел

строить отношения», то есть предпочитала юношей на треть моложе себя. Для них она становилась комфортной подругой, умудряясь не впадать ни в материнскую заботливость, ни в педагогическую надменность. Наоборот, с ней мужчины, до тридцати, вынужденные ходить в мальчиках, наконец-то чувствовали себя уверенными, ответственными и бесконечно опытными. Она-то, по их мнению, ничего толком не знала о жизни, попав из-под родительского крыла в объятия мужа, а затем на свою непонятную, но непыльную работу. Казалось, катаклизмы и кризисы проскользнули мимо этой женщины, и даже время едва оставило следы на её лице и теле. Конечно, успевшие задержаться около неё замечали в конце концов и постоянную диету, и силу воли, и сдержанность чувств, но считали это притягательными странностями. Именно поэтому Дора предпочитала молодых. Ровесники быстро догадывались, что она холодна, упряма и, в сущности, скучна, потому что слишком дозирует эмоции, и уходили к более энергичным особам. А юноши никуда не спешили.

В тот вечер, когда Дора занималась своими подсчётами, она не работала и спать легла рано. Была середина недели, свиданий не планировалось, поэтому она прибрала дом, приняла душ и залезла в постель с электронной книжкой. Очередной автор из допотопных времён изошрённо терзал свою фантазию, пытаясь позаковыристей изобразить ближайшее

будущее. Понятное дело, действительность его жестоко переиграла, но роман всё равно остался занимательным, хотя бы ароматом времени, когда мир ещё был большим и понятным. В десять она проглотила дозу успокоительного: невинный препарат, не вызывающий привыкания, с небольшим побочным эффектом – иногда случались яркие и странные сновидения. Но Дора, с её-то профессией, дорожила любыми неожиданными переживаниями. Она запила капсулу водой и к одиннадцати потушила лампу.

Проснулась около часа ночи, рывком села в постели и включила свет. Потянулась к столу и нашла листочки с вчерашними записями. Посмотрела на столбики цифр – так и есть, ошибка. Дора забыла отнять от общего срока «потерянных дней» примерно семьдесят пять. Пятнадцать месяцев, когда у неё не было месячных. Время, которое была беременной, а потом кормила грудью. Этот период она совершенно позабыла. Как и следующие семнадцать лет.

3

Не нужно думать, что Дора была чудовищем и плохой матерью. Ребёнок оставался смыслом её жизни в первые несколько лет после рождения, тогда она познала величайшую близость и любовь, сильнее которой не существовало на свете. Все слова, которые знал сын, он услышал от неё (и от отца, но Элрой маячил где-то на границе их мира). Не было для него важнее звуков, чем её голос, и для Доры не было ничего важнее, чем голос сына. Он ловил каждое выражение её лица, а она – его. Они бесконечно интересовали друг друга и безраздельно друг другу принадлежали. Он состоял из клеток её тела, и маленькие мысли его и чувства были отражением её переживаний. У них всё ещё оставалось общее дыхание, и так продолжалось лет до пяти. Потом связь стала ослабевать, и это была самая большая печаль в жизни Доры.

Но поначалу они будто существовали внутри стеклянного шара с замкнутой экосистемой, и даже когда случился Потоп, она больше интересовалась здоровьем своего мальчика, чем будущим остального мира.

В два года у Гарри увеличились лимфоузлы и анализ крови показал неладное. Дора сходила с ума от ужаса и потому легко согласилась на серьёзное исследование – пункцию спинного мозга. Ей объяснили, что процедура проходит под сильным успокоительным, ничего опасного или болезненно-

го для ребёнка в ней нет. Они приехали в клинику утром и только заняли хорошенькую палату, разрисованную котятами и медвежатами, как явилась улыбочивая медсестра, сделала Гарри укол, и едва он перестал плакать, радостно сказала: – Молодец, храбрый малыш, а теперь нам пора! – И взяла его на руки.

Гарри заревел с новой силой, но медсестра невозмутимо двинулась к двери, и Дора поспешила за ней. Она видела несчастное испуганное лицо сына и лихорадочно думала, что следовало бы подождать, пока заработает лекарство и он перестанет бояться, но врачам наверняка виднее, и просто бежала до самой операционной, бормоча беспомощно: «Зайчик, зайчик, потерпи, я с тобой». Зайчик, зайчик, зайчик. Но он плакал так, что голубая фланелевая кофточка мгновенно промокла на груди от слёз и слюней.

Дверь захлопнулась, и через минуту Гарри завопил совсем уж отчаянно. Дора не выдержала и помчалась прочь, но даже в противоположном крыле здания казалось, что она слышит его крики.

Через двадцать минут затихшего ребёнка вернули, он мутно посмотрел на неё и закрыл глаза.

– Что... что с ним? – Сухие губы двигались почти беззвучно, но медсестра поняла и несколько смущённо ответила:

– Всё в порядке, это укол сказывается, теперь он проспит до обеда, – и быстро ушла.

Дора поняла, что угадала с самого начала – врачи поторо-

пились, не дав успокоительному подействовать, и Гарри испытал весь этот кошмар вместо того, чтобы сопеть в полудрёме, как сейчас. Она упала в кресло перед его кроватью и заплакала – от жалости, страха и стыда. Потому что она должна, должна была настоять, заставить эту чёртову ведьму выждать полчаса, не позволяя пугать и мучить ребёнка.

Позже порывалась написать жалобу, но радость оттого, что анализы оказались хорошими, немного смягчили горечь, а муж вообще высмеял её:

– С ума ты сошла, Дора, готова загрызть людей за ошибку. Последствий всё равно никаких, а ты будто не хочешь понимать, в каких условиях они работают. Опомнись, клиники до сих пор забиты ранеными, а ты носишься со здоровым парнем. Сказали же тебе: отклонения после простуд, с возрастом пройдёт.

Дора согласилась, но вина её никуда не делась, она ни на секунду не забывала слипшиеся от слёз ресницы и ужас на детском лице – ужас, который она не имела права допустить в жизнь своего ребёнка и всё-таки допустила.

Так на её совесть лёг первый камень из множества, создавших со временем неподъёмную груды. Камни падали каждый раз, когда она отворачивалась от его ищущего взгляда, потому что хотела спокойно почитать; каждый раз, когда ссорилась с мужем и замечала в углу сжавшегося от страха ребёнка; когда отводила малыша, полусонного и хнычущего, в школу; когда исчез Элрой и она впала в тоску, не сумев под-

держат сына в его потере; когда Гарри вошёл в переходный возраст и она отстранилась, не зная, как ему помочь; когда он в семнадцать начал жить отдельно и Дора не смогла скрыть от себя облегчения. И как-то раз, получив электронное сообщение: «Мама, я уехал к деду, не волнуйся» – она поняла, что погребена под грузом вины и уже никогда не выберется. «К деду» – это он о доме на юге, в котором побывал только однажды, бессмысленным грудничком. Никакого деда там, конечно, не было, но потом, уже после того как Потоп отрезал их от мира, Дора часто рассказывала ему о доме своего детства, о кожаном чемодане, в котором её находили, о запущенном саде – Бенисио, конечно, прогнали после того случая, и ухаживать за деревьями и дорожками стали от случая к случаю. Гарри обожал эти истории и выпрашивал у матери подробности: как располагались комнаты, какие деревья росли в саду, по какой дороге подъезжали к воротам и где хранился запасной ключ. Он даже выучил адрес, но что значил адрес из прошлого, если непоправимо изменилась сама Земля.

И потому, когда он ушёл, Дора осознала, что потеряла его навсегда, и это был только её грех, результат её отстранения.

И тогда она сделала то, что отлично умела с детства – спрятала всё, с чем не могла жить, поглубже, и забыла. Нет, у неё не стёрлась память, но сын стал какой-то плоской фигурой, о которой совершенно необязательно думать ежедневно... каждую неделю... каждый месяц... год. Однажды она

перестала вспоминать о его дне рождения, и четвёртое января превратилось в обычную дату в календаре. На это понадобилось несколько лет.

И вдруг сейчас, без предупреждения, без жалости, глубины её памяти разом осветились сразу во всех точках, как огромный зал с тысячей свечей, которые одновременно зажгли бесшумные вышколенные слуги. Она увидела всё: его, крошечного, беспомощного и брошенного; его, подросткового, никому не нужного, преданного ею; его, юного и абсолютно одинокого; его, взрослого, двадцатилетнего, каким не видела и не увидит никогда. Этого Дора вынести не смогла. Она сползла с кровати на пол, легла щекой на пушистый коврик в сине-зелёных абстрактных узорах, подтянула колени к груди и отключилась.

Увы, ускользнуть из ловушки, как в детстве, не получилось. Она очнулась через несколько часов от холода и боли. В груди саднило, как от ожогов, и ломота в скорченном теле ничего не стоила на фоне этой муки. И не было родителей, которые достанут спасительный шприц и заставят Дору забыть обо всём. Не было никого, кроме неё самой, страдающей и виноватой. И с этим пришлось что-то делать.

Она позвонила подруге.

Эстер, хриплоголосая француженка, осевшая в Штатах ещё в юности, в свои шестьдесят сохраняла ум, шарм и что

там ещё положено иметь немолодой женщине, чтобы считаться шикарной. Отутюженные распущенные волосы, быстрая речь, пересыпанная французскими словечками, массивные кольца и шали – всё это делало бы её нестерпимо банальной, когда бы не доброта, с которой Эстер умела прижимать к груди горяющих женщин, заблудившихся детей и больных животных. Дора сейчас была и тем, и другим, и третьим и потому первым делом подумала о ней.

– Дорогая, – сонно спросила трубка, – ты сошла с ума или что-то случилось? Восемь утра.

– Случилось, Эстер.

– Тогда я слушаю. – Голос окреп, почти сразу избавившись ото сна. – Или лучше приходи, я дома.

– Иду.

Дора была благодарна за предложение, совершенно не понимая, как начать этот разговор по телефону, а вживую можно просто заплакать с порога. Что она и сделала, оказавшись в гостиной Эстер, обычно сумрачной в любое время суток.

«Немолодой женщине нужно правильное освещение», – говаривала хозяйка и дома пряталась от дневного света, предпочитая розовые лампы, расставленные в стратегически важных точках – за спинкой её кресла, в изголовье кушетки, возле зеркала. Но сегодня, ожидая Дору, Эстер раздвинула шторы, ведь им обеим не до игр. Она хотела увидеть лицо подруги и понять, насколько плохо дело.

Первый взгляд сказал всё, и она обняла Дору. Кофе стыл

на столе, но речь шла не о привычных любовных переживаниях, требовавших неспешных разговоров и гадания, тут необходимы живое тепло и готовность слушать.

– Хорошая моя, – медленно произнесла Эстер через полчаса, убедившись, что сбивчивый поток слов иссяк. – Мне нечего сказать. Оба моих ребёнка не родились, но я не знаю, что такое вина. Если бы Господь хотел, он дал бы мне силы их сохранить и вырастить. Но я не смогла. И так во всём: когда я не справляюсь, то понимаю, что каждому даётся испытание по его силам. Делаю, что могу, но чего не могу – не делаю, – она позволила себе улыбнуться. – И это не моя вина, таковы обстоятельства, такова данность. – Она чувствовала, будто заговаривает раненое животное, поэтому не особенно заботилась о смысле слов, а только об интонации. – Думай о том, что ты сделала для сына: он родился, увидел этот мир, провёл с тобой много прекрасных дней и был счастлив. И он, возможно, жив, ты зря хоронишь мальчика. Мы не знаем, что там, за пределами нашей округи, но люди уходят сотнями. Скорее всего там сложилась собственная реальность, и не факт, что она хуже нашей. Возможно, он живёт в мире больших дорог и большой свободы. Возможно, он увидел океан. Возможно, он даже вернулся в дом твоего детства. Дора, любая мать чувствует то же, что и ты, – когда её ребёнок вырастает, она ничего не знает о мире, в котором он живёт, даже если думает иначе. Много ли твоя мать знала о тебе?

Эстер почувствовала, что сделала ошибку – Дора снова

напряглась и лицо её, почти расслабившееся, отвердело.

– Она была паршивой матерью, и я пошла в неё. Хотя поначалу считала по-другому. Но спасибо тебе, Эстер, ты помогла больше, чем думаешь. И не беспокойся: со мной всё будет в порядке. Я пойду, мне ещё работать вечером, надо выспаться.

Когда за ней захлопнулась дверь, Эстер вздохнула и потянулась к бару – десятый час, но без капельки рома не обойтись. Обычно утешение давалось ей легко, она чувствовала себя обновлённой, делясь энергией с кем-то слабым, впитывая взамен его эмоции. Но тут невольно пришлось заглянуть в собственную душу, а этого она не любила.

Дора, выйдя на улицу, вызвала Джереми, дождалась ответа и сказала умирающим голосом:

– Джери, дружище, я заболела. Прости, но опять упало давление. Утром приезжал врач, мне нужно минимум два дня, чтобы отлежаться. Сумеешь меня заменить?

– Что с тобой делать, болей, конечно. Выдерну Агнесс, она всегда говорит, что могла бы работать и побольше. Я не сторонник таких вещей, наши люди не должны превращаться в диджеев, тупеть и снижать качество... Ладно, ты в курсе моих взглядов. Выздоровливай и выходи на будущей неделе вместо Агнесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.